УДК 81'344

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Е. Б. Трофимова[1, @]

[1] *Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина*
[@] *umt2005@rambler.ru*

Посвящается Николаю Даниловичу Голеву, замечательному лингвисту и прекрасному человеку, общение с которым – всегда творческий процесс, порождающий новые идеи и желание работать и работать.

Аннотация: Данная статья состоит из двух частей. В первой части анализируется научный плюрализм как явление, свойственное любой науке, прошедшей определенный путь своего образования и развития. Обосновываются «плюсы» и «минусы» плюрализма. К плюсам относится возможность расширения исследовательского пространства за счет введения нового языкового материала, а также использования иных подходов к объекту исследования, к минусам – низкий уровень аргументации, наблюдаемый в некоторых случаях при формировании новых концепций. В оппозиции к плюрализму находится редукционизм, который возникает при абсолютизации собственного или единственного подхода к объекту исследования. Во второй части дается анализ зарубежных и российских фонологических концепций: дескриптивная американская фонология, две разновидности порождающей фонологии – стандартная и естественная порождающая фонология, фонологическая концепция Н. С. Трубецкого, Московская и Ленинградская фонологические школы, концепция «позднего» Р. И. Аванесова, фонологическая концепция С. К. Шаумяна. Оценивается теоретический вклад каждой концепции в науку и возможность их прагматического использования. Концепции сопоставляются, во-первых, по соотнесенности фонемы и звука, то есть по принципу отражения в фонеме акустико-артикуляционных характеристик звука и, во-вторых, по соотнесенности фонемного состава в парадигматике и синтагматике. Концептуальные различия по данным параметрам свидетельствует о проявлении плюрализма в области фонологических исследований.

Ключевые слова: фонема, фонологические концепции, звукотип, плюрализм, редукционизм, архифонема, смыслоразличительные оппозиции.

Для цитирования: Трофимова Е. Б. Отражение лингвистического плюрализма в фонологических концепциях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 186 – 194.

Я могла бы начать статью с анализа фонологических концепций, а затем с опорой на них перейти к проблемам плюрализма. Однако, учитывая, что сами указанные концепции рассматриваются с позиций лингвистического плюрализма, логичнее пойти от общего к частному.

Прежде всего следует отметить, что само понятие *плюрализм* в отечественной лингвистике первоначально содержало отрицательную коннотацию. Общеизвестно, что А. А. Реформатский, выступая в Совете Института русского языка, назвал Р. И. Аванесова «плюралистом» за попытку совместить некоторые положения в концепциях МФШ и ЛФШ в 50-е годы.

Затрудняюсь сказать, когда в нашей науке кардинально изменилось отношение к плюрализму, во всяком случае в настоящее время плюрализм не относится к негативным явлениям не только в научной, но и языковой сфере. Я имею в виду проявление языковой вариативности. В. Г. Гак в своей монографии «Языковые преобразования» посвятил отдельную главу плюрализму в лингвистике [2, с. 13 – 61]. Поддерживая позицию П. Фейерабенда относительно значимости научного плюрализма, автор отмечает, что «для объективного познания необходимо разнообразие мнений, и метод, одобряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией» [2, с. 13]. Владимир Григорьевич обосновывает наличие лингвистического плюрализма спецификой самого языкового феномена. Среди объективных факторов, порождающих многообразие трактовок одних и тех же языковых реалий, автор выделяет: 1) недискретность многих языковых явлений, 2) асимметрию, свойственную языковым знакам, 3) многоаспектность языковых явлений» [2, с. 16]. Безусловно, следует также учитывать, что *Язык* как феномен действительности целостно не дан нам в непосредственном наблюдении. Кроме того, сложность теоретических изысканий в области лингвистики заключается в том, что языковед по отношению к языку одновременно реализуется в двух ролях – пользователя и исследователя.

Встает вопрос: любое ли разнообразие мнений отвечает интересам науки? Представим такую ситуацию: мы хотим описать некий объект, онтология которого остается не до конца выясненной. Одни исследователи относят данный объект к артефактам, другие – к натурфактам. При такой постановке задачи существование научного плюрализма исключается (во всяком случае с позиций науки сегодняшнего дня). Плюрализм строится на принципиальной возможности отношения «и – и», здесь же, по существу, приемлемо только «или – или».

В каких же ситуациях плюрализм способствует научному прогрессу? Это должна быть новая исследовательская программа или даже научная парадигма, открывающая иные возможности исследования объекта, как правило, за счет привлечения новых методов. Другой вариант, приемлемый для реализации научного плюрализма – не новые методы, а принципиально новый подход к анализу объекта. Опираясь на материал фонетических исследований, приведу по примеру, каждый из которых иллюстрирует одну из указанных выше возможностей.

Пример первый, касающийся внедрения новых методов, – использование спектрального анализа звуков речи, что позволило при исследовании фонетических единиц опираться непосредственно на их акустические признаки. Первоначально анализ проводился на аналоговых спектрографах, с середины 90-х годов для тех же целей использовались компьютерные программы. В любом случае, использование звуковых анализаторов уточнило универсальную классификацию звукотипов.

Второй пример объясняет достаточно широкий спектр фонологических концепций, формирование которых, прежде всего, связано с различным пониманием онтологических свойств фонемы, в то время как использование тех или иных методов является вторичным. Сопоставим фонологические концепции С. К. Шаумяна и Р. И. Аванесова. В представлениях данных исследователей о фонеме фактически отсутствуют точки соприкосновения. С позиции Шаумяна фонема и звук принадлежат к разным реальностям, и дифференциальные признаки фонемы могут быть не только звуковыми, но и цветовыми, и вообще любыми, однако подлежащими шкалированию, поскольку фонема – конструкт. Для Аванесова такая позиция неприемлема, так как согласно его пониманию сущности фонемы, получить состав фонем можно только индуктивным путем: через анализ звуков. Следует ли при таких расхождениях считать обоих авторов фонологами? Как выясняется, можно. Множественность фонологических концепций проистекает из высокой степени абстрактности фонемы: Шаумян вводит уровневую градацию фонем, при которой индивидуальные фонемы и классы фонем, независимо от материального компонента, соотносимы.

Во второй части будут рассмотрены существующие фонологические концепции в аспекте лингвистического плюрализма. Как известно, с конца XIX века и до начала 60-х годов XX столетия фонология занимала ведущее место в лингвистике как за рубежом, так и в нашей стране. Теоретические исследования были тесно связаны с прикладными задачами. Фонетике приходилось решать целый ряд проблем, связанных с созданием письменности и реформами орфографии, обучением иностранным языкам, позднее – синтезированием речи. Обыденная логика подсказывает: чем проще устроен какой-либо объект, тем легче с ним работать. Односторонние формальные единицы проще двусторонних значимых. Таким образом, фонология становится опытным полем лингвистики, на котором апробируются как общенаучные, так и собственно лингвистические идеи. Известный закон, согласно которому количество информации обратно пропорционально встречаемости, научно обоснованный в первой половине XX века, на практике применялся со времен античности при создании письменности: древнеегипетское письмо было полностью консонантным. В более поздние эпохи фонология продолжала использоваться при создании национальных алфавитов для бесписьменных народов.

Сформировавшиеся в первой половине XX века направления в области фонологии довольно много-

численны. Поскольку их спектр весьма неоднороден и обширен, при отборе материала исследования я исходила, во-первых, из уровня отраженных в концепции идей, а во-вторых, учитывала, насколько отобранный материал может быть востребован в научной и педагогической деятельности лингвиста. В работе рассматривается семь концепций, четыре из которых принадлежат отечественным исследователям: Московская фонологическая школа, Ленинградская фонологическая школа, концепция «позднего» Р. И. Аванесова, двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна и три зарубежных: концепция Н. С. Трубецкого и две концепции, разработанные американскими исследователями.

Спектр фонологических концепций неоднороден с точки зрения заинтересованности лингвистов в этой проблематике, что выразилось в различной степени детализации материала при описании представленных концепций. В начало вынесены американские концепции и двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна, которые представлены обзорно. По отношению к американским теориям это связано с тем, что они формировались на общетеоретических идеях дескриптивной и порождающей лингвистики, и их следует рассматривать не отдельно, а в русле общих представлений, характеризующих американскую лингвистику 30 – 60-х гг. Что касается концепции Шаумяна, то причина ее обзорной представленности объясняется как сложностью самой концепции, так и отвлеченностью от практических задач лингвистики. Остальные отечественные школы, а также концепция Н. С. Трубецкого даются в сопоставлении с целью описать фонологическое пространство плюрализма.

Необходимо дать пояснение относительно непредставленности в данной статье концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. Иван Александрович – замечательный ученый, впервые в качестве научной проблемы поставивший вопрос, как совместить физическое и физиологическое с социально-психологическим еще в 70 – 80-е гг. XIX века. Его две трактовки фонемы – одна с системно-структурных позиций, а другая – с антропоцентрических – лингвистам хорошо известны и в определенной степени реализованы в концепциях МФШ и ЛФШ. Однако Иван Александрович никогда не рассматривал себя в качестве создателя фонологической концепции.

Итак, дескриптивная фонология развивалась в русле идей американской дескриптивной лингвистики, объединившей структуралистов, работавших в 30-е гг. XX века в области фонетики и фонологии: Л. Блумфилд, Э. Сэпир, У. Тводделл и др. Под фонемой понимались специфические признаки звуков, обслуживающие восприятие и порождение речи. Такое представление о фонеме в определенной степени явилось отправной точкой для концепции Н. С. Трубецкого. Дескриптивисты на всех уровнях языка работали только с наблюдаемыми речевыми фактами.

Следующий этап в американской фонологии – зарождение и развитие порождающей фонологии в 60-е – 70-е гг. – представлен двумя периодами. Первый представлен стандартной порождающей фонологией Н. Хомского и М. Халле. На фонологию распространялся принцип анализа, первоначально используемый при работе с синтаксическими единицами. Второй период знаменует постепенный переход от стандартной фонологии к естественной порождающей фонологии.

В отличие от дескриптивной лингвистики, генеративная, особенно в первый период, опиралась на общие законы языка. По-видимому, переход от дескриптивной фонологии к естественной порождающей объясняется трудоемкостью процедур анализа, введенного Хомским, и достаточно серьезной критикой Хомского не только в России, но и за рубежом. Ноэма Хомского принято критиковать за идею, согласно которой человек обладает универсальной врожденной языковой способностью. «В его мозгу отображены схемы организации языковой компетенции» [14, с. 38]. Автор не говорит о врожденности языка, речь идет о подготовленности при отсутствии патологии мозговых структур к овладению языка. Естественно, что в норме к моменту рождения ребенка все его системы, в том числе и мозг, должны быть подготовлены к функционированию. Тем не менее к теории Хомского можно предъявить некоторые претензии.

Прежде всего, как известно, Хомский использовал понятие *врожденной языковой способности* с целью объяснить, каким образом ребенок в первые полтора-два года овладевает языком. Ученый дискутировал с американскими психолингвистами первого поколения, которые полагали, что формирование языка происходит за счет ассоциативного моделирования $S \rightarrow R$. С моей точки зрения, позиция Н. Хомского была убедительнее, однако исследователю не удалось доказать, каким образом осуществляется взаимодействие ментальных структур с потенциальной языковой зоной. Во-вторых, фонологический анализ Хомского строился исключительно на синтагматике: таким образом игнорируются потенциальные смыслоразличительные свойства звуков, степень их устойчивости.

Естественная порождающая фонология уменьшила разрыв между абстрактными фонемами и конкретными звуками. Так, Д. Стэмп одним из первых подверг критике сверхглубинные построения Н. Хомского и М. Халле (см. [6, с. 156]). Однако ни порождающая фонология Н. Хомского, ни естественная порождающая фонология в концепциях Стэмпа и Халле не решили проблему процессов перекодировки между двумя уровнями – фонемным и звуковым. Тем не менее в современной американской лингвистике генеративная грамматика сохраняет свою актуальность [17].

Фонологическая концепция С. К. Шаумяна, сформировавшаяся в начале 60-х гг. XX в., стоит особняком по отношению к фонологическим теориям других исследователей [15]. Однако, выйдя за пределы фонологии, мы достаточно быстро обнаруживаем истоки *двухступенчатой теории фонологии.* Американский структурализм был чужд Шаумяну [15, с. 4]. Исследователь опирался на европейский структурализм и ставил вопрос о необходимости коренной перестройки фонологии как таковой, не ориентированной на конкретный язык (как это наблюдается во всех рассмотренных выше концепциях). Однако Шаумян ошибался: концепция Трубецкого позволяет работать

с любым языком, что сам автор доказал в своих исследованиях.

Вывод Шаумяном фонологии за пределы определенного языка дает возможность полностью отказаться от использования индуктивного подхода к методике исследования через использование гипотетико-дедуктивного метода (так называемого «мыслительного эксперимента»). Автор выделяет три фазы при реализации гипотетико-дедуктивного метода: а) фиксация фактов, которые требуется объяснить; б) выдвижение гипотез, направленных на объяснение данных фактов; в) определение степени вероятности гипотез после проверки фактов, связанных с гипотезами [15, с. 19]. Опора на указанные фазы позволяет исследователю отобрать тот материал, который отвечает решению определенной теоретической проблемы [15, с. 19].

Здесь возникает законный вопрос: как определить уровень достоверности «мыслительного эксперимента»? Шаумян отмечает, что «Предметом науки служит не только эмпирическая данность, не только то, что есть, но также и то, что в принципе может быть» [15, с. 19]. Исследователь ссылается на известного физика Нильса Бора, сформулировавшего принцип дополнительности, который с середины двадцатого века применяется не только в физике, но и в других науках, в том числе и в гуманитарных. Принцип дополнительности используется в тех случаях, когда необходимо объяснить отношения между явлениями, наблюдаемыми в разных условиях. Автор работы делает следующий вывод: если фонемы используются для дифференциации означающих, имеет смысл проверить наличие возможности перевода акустической субстанции в другие виды субстанции, например цветовую. Тогда лексему *сон* можно условно пофонемно представить как [с] – зелёный, [о] – коричневый; [н] – красный, а лексему *нос* как [н] – красный, [о] – коричневый, [с] – зеленый. Использование цветовой гаммы возможно только на коротких словах, но и при этом роль смыслоразличительной функции фонемы резко падает как при восприятии, так и порождении текста: возможности создания фонологических оппозиций на основе цвета ограничены.

Подводя итоги достаточно краткого экскурса в область двухступенчатой фонологии, следует отметить, что концепция С. К. Шаумяна представляет безусловный интерес с точки зрения сближения фонологических реалий с объектами, не данными в прямом наблюдении, однако ее трудно использовать для решения актуальных прикладных задач.

Особое, ни с кем не сопоставимое место в фонологии занимает Николай Сергеевич Трубецкой. Заслуги Н. С. Трубецкого перед мировой наукой были высоко оценены как западными, так и отечественными лингвистами. А. А. Реформатский в развернутой рецензии на монографию Н. С. Трубецкого, представленной в качестве Послесловия к «Основам фонологии», отмечает, что Трубецкой сложился как ученый в атмосфере Московской лингвистической школы: Николай Сергеевич действительно получил высшее образование в МГУ. Однако его фонологическая концепция ощутимо отличается как от идей, представленных Московской фонологической школой, так и от принципов, характеризующих подход «ленинградцев» к фонеме. Если уж говорить о преемственности, то истоки концепции Трубецкого следует искать в общем теоретическом подходе к языку Фердинанда де Соссюра, в его противопоставлении *языка* и *речи* как *идеального* и *материального*, *синхронического* и *диахронического*, *общего* и *частного*, *сущности* и *явления*. Именно по этим параметрам Трубецкой разграничивает *фонему* и *звук*, определяя фонему как единицу языка, а звук как единицу речи. И еще: подобно тому, как Соссюр полагает, что язык и речь относятся к разным разделам науки, Трубецкой определяет фонетику как учение о звуках речи, а фонологию как учение о звуках языка. По мнению автора, фонетика относится к естественнонаучным дисциплинам, а фонология – к гуманитарным. В то же время исследователь не сомневается в тесной взаимосвязи фонологии и фонетики, например: «Утверждение о противоположности между глухими и звонкими шумными в русском языке, служащей для различения слов, принадлежит сфере фонологии. Однако сами понятия *звонкий, глухой, шумный* являются фонетическими» [13, с. 21]. Для любого специалиста в области фонологии центральным вопросом является смыслоразличительная ценность фонемы. Трубецкой в разделе *Основные понятия* на первое место ставит не фонему, а смыслоразличительную оппозицию, которая и является фонологической.

При сравнении концепции Н. С. Трубецкого с американскими исследователями обнаруживаются общие истоки, идущие от Ф. де Соссюра, заключающиеся в онтологическом противопоставлении языка и речи. Существенные различия заключаются в прикладной успешности концепций. Несмотря на прагматический вектор деятельности американских лингвистов, созданные ими методы оказались непродуктивными при решении поставленных задач создания письменности индейских народов. Напротив, теоретическая концепция Н. С. Трубецкого, включающая развернутые логические классификации смыслоразличительных оппозиций разных типов, активно используется при описании фонематических систем языков мира и значима в теории и практике преподавания иностранных языков.

А. А. Реформатский высоко оценивает вклад Николая Сергеевича Трубецкого в мировую лингвистику: «Основы фонологии» – это самая богатая и насыщенная знанием фактов огромного количества языков всех континентов земного шара книга Трубецкого. Это подлинный венец его разносторонней и неисчерпаемой любознательности и трудоспособности. Поражает в книге Трубецкого и знание всевозможной фонетической и фонологической литературы от давних до современных ему изданий» [8, с. 360].

Основные отечественные школы – МФШ, ЛФШ, а также фонологическая концепция «позднего» Р. И. Аванесова (мне не хочется, вслед за Александром Александровичем называть ее плюралистической) хорошо известны отечественным лингвистам, поэтому по первоначальному замыслу предполагалось по завершению краткого обзора все семь концепций дать в сопоставлении. Однако, сравнивать можно только то, что в принципе сопоставимо. Поэтому в

данном случае внимание будет сосредоточено на следующих концепциях: МФШ, ЛФШ, самостоятельной концепции «позднего» Р. И. Аванесова и концепции Н. С. Трубецкого.

Не подлежит сомнению, что концептуальность по отношению к любому языковому материалу формируется на двух уровнях: парадигматическом и синтагматическом. Тем не менее только в фонологии функциональная связь между этими уровнями оказывается достаточно слабой. При определении фонемного состава языка особых разногласий не наблюдается, поскольку, независимо от теоретических установок, арсенал фонем любого языка выстраивается за счёт возможных противопоставлений между различными звукотипами. Количественное несовпадение числа фонем в одном и том же языке по концепциям колеблется весьма незначительно. В синтагматике отношения между фонемами основательно усложняются: они уже не ограничиваются попарной противопоставленностью, а соотносятся в пределах морфемы, и условиях их соотношения определяют фонемно-семантические связи. Понимание характера значимости данных отношений зависит от общетеоретических представлений исследователей. Почему, например, не совпадает архифонема Н. С. Трубецкого с гиперфонемой московских фонологов. Разные цели создают разные установки. Для Н. С. Трубецкого архифонема – это своего рода ущербная единица, поскольку под ней понимается «совокупность различительных признаков общих для двух фонем» [13, с. 87]. Опора на фонему как совокупность дифференциальных признаков позволяла использовать одни и те же признаки при анализе фонемного состава любого языка. Гиперфонема в концепции МФШ – это совокупность фонем в непроверяемой слабой позиции. Как цель, так и установка в данном случае иные: внимание приковано к тому, что имеется зона риска в системе орфографии. Прагматическая направленность в данной концепции выражена достаточно ярко. Спорным внутри МФШ является вопрос: фонема – инвариант или вариант в сильной позиции? С точки зрения онтологии объекта эти два представления отражают разную онтологию, но абсолютно не влияют на фонологический анализ текста. ЛФШ формировалась на экспериментальной платформе. В отличие от Московских фонологов представители этого направления не занимались орфографическими проблемами. На системоцентрическом уровне фонема является минимальным различителем, но не морфем, а словоформ. Сильные позиции на синтагматическом уровне особой роли не играют, поскольку звуки в слабой позиции в тексте подтягиваются к ближайшей по акустико-артикуляционным свойствам парадигматической фонеме.

Р. И. Аванесов в споре МФШ и ЛФШ выбравший центральную позицию оказал «медвежью услугу» прежде всего себе. Что такое его сильные и слабые фонемы? Это не более, чем звуки в сильной и слабой позиции, поскольку фонема – элемент другого уровня, чем звук.

Достаточно богатый спектр представлений онтологической сущности фонемы обусловлен не различным понимание её функциональной сущности, а местом локализации – внутри звука находится фонема или вне его. В свою очередь, при внешней соотнесённости фонемы со звуком, важным фактором, определяющим специфику данной единицы, является степень зависимости свойств фонемы от свойств звука. Например, в концепции С. К. Шаумяна фонема может быть реализована в самых разных материальных носителях: в цветовой гамме, в музыкальных звучаниях и даже запахах. С позиции Шаумяна важно наличие противопоставленности данных сигналов. Однако это единственная концепция, «освобождающая» фонему от связи со звуком.

О чем свидетельствует такая разнородность во взглядах на онтологию фонемы? Данное явление вполне объяснимо. Фонемы – языковые единицы, не данные в непосредственном наблюдении. Кроме того, это мельчайшие односторонние единицы плана выражения в языке, которые при любой оценке их онтологических качеств противопоставлены звукам. Вся «драма идей» формируется именно на этой, как выясняется не столь узкой, площадке: *звук – фонема*. Однако вопрос, какая точка зрения на фонему наиболее продуктивна, сохраняет свою актуальность. С онтологической точки зрения ответ пока не получен. Отсутствует он потому, что до сих пор нет единой, доказанной концепции происхождения языка. А чтобы такая концепция появилась, нужна непротиворечивая концепция взаимосвязи языка и мышления. Может быть, совместные исследования когнитологов разного профиля найдут ответ на поставленный вопрос. Тогда мы получим единую фонологическую теорию. Однако такая теория появится именно вследствие того, что в течение длительного времени в области фонологии присутствовал плюрализм.

Однако в существовании плодотворной научной вариативности заинтересована не только наука, но и прагматика. Например, если Вы преподаватель в вузе и ведете курс *Русская фонетика*, в который входит и орфография, наиболее целесообразно в качестве основной концепции давать студентам Московскую фонологическую школу. МФШ в большей степени, чем другие фонологические концепции направлена на обслуживание орфографической системы русского языка. Кроме того, изложение представления о фонеме с этих позиций позволяет гораздо отчетливее увидеть разницу между орфографией и орфоэпией при сопоставлении фонетической и фонологической транскрипции. В школе очень мало уделяют внимания орфоэпическим нормам, что одинаково вредно как для орфоэпии, так и для орфографии. Носители русского языка слышат не то, что произносится. Это хорошо просматривается при написании фонетической транскрипции и анализе отдельных звуков. Например, в глаголе *идешь* студенты при артикуляционной характеристике звуков нередко указывают мягкость [ш]. В результате притупляется как фонетический, так и фонологический слух, что опосредованно отражается на нормах литературного произношения. Поэтому параллельное фонетическое и «московское» фонологическое транскрибирование весьма полезно для филологов-русистов. В свое время Михаил Викторович Панов разработал, с опорой на принципы фонологической синтагматики, оригинальную методику по обучению школьников младших классов русской ор-

фографии. Методика М. В. Панова была апробирована на младшеклассниках и дала замечательные результаты. Что же касается других фонологических направлений, то для специалистов данного профиля их можно дать в общем обзоре.

Если же Вы преподаете фонетику или общее языкознание на факультете иностранных языков, то в качестве базовой фонологической концепции, которая отвечает интересам учащихся и преподавателей, советую ориентироваться на две концепции – Ленинградскую фонологическую школу и концепцию Н. С. Трубецкого. МФШ изначально была ориентирована, прежде всего, на проблемы русской орфографии, и только вслед за этим на общетеоретические вопросы фонологии, которые в основном разрабатывались на материале русского языка. Лев Владимирович Щерба, создатель Ленинградской фонологической школы, активно занимался типологическими вопросами, и, создавая основы фонологической концепции, естественно, использовал материал разных языков. Можно сколько угодно спорить по поводу теоретических построений «ленинградцев», но созданная ими фонологическая транскрипция, как и широкое поле оппозиций по разным основаниям Н. С. Трубецкого, с учетом фонологических принципов, определяющих устройство звукового континуума в разных языках, – все это способствует углубленному изучению фонетической системы языка. Фонологическая транскрипция «ленинградцев» удобна для всякого рода прикладных целей, что не снимает обоснованных концептуальных разногласий, связанных с трактовкой онтологических свойств фонемы.

Самостоятельная концепция Р. И. Аванесова, сформировавшаяся в пятидесятые годы двадцатого столетия, оказалась совершенно неожиданной как для московских, так и для ленинградских фонологов. В преподавании она особой роли не играет, поскольку формально в практике транскрибирования совпадает с позицией ЛФШ. С теоретической точки зрения весьма спорным является введение понятий «сильные фонемы» и «слабые фонемы» – фонема, если считать ее самостоятельной единицей, не относится к позиционным явлениям, и тогда градация по критерию отражения фонологических свойств в звуке немотивирована.

Проведенный обзор фонологических концепций показал, что при всех сходствах и различиях фонологических концепций, основным показателем, определяющим статус фонемы, являются степень и способ соотнесенности фонемы со звуком. Чем больше в языке коррелятивных пар, тем легче он усваивается. Можно ли заменить звуковые сигналы на какие-нибудь другие, о чем пишет в своей монографии Шаумян? Конечно, можно, но они искусственные, и их возможности ограничены. Если представим шкалу распределения фонем в выше рассмотренных фонологических концепциях в зависимости от степени соотнесенности фонемы со звуком (в направлении от большей зависимости к меньшей) то получим следующую градацию: Ленинградская фонологическая школа → фонологическая концепция «позднего» Р. И. Аванесова → Московская фонологическая школа → фонологическая концепция Н. С. Трубецкого → американская естественная порождающая фонология → двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна.

Сопоставительный анализ российских и зарубежных концепций свидетельствует о том, что расхождение фонологов в оценке фонемы связано не с типологическими свойствами языков, а с общей онтологией языка: сложностью его структуры, многомерностью отношений между единицами разных уровней языковой системы, неданностью языка, в отличие от речи, в непосредственном наблюдении. В этих случаях плюрализм неизбежен и продуктивен.

Бурные дискуссии в области фонологии, наблюдавшиеся в 50 – 70-е гг. прошлого столетия и описанные выше, постепенно затихли. Казалось, что теоретическая фонология исчерпала себя, так и не построив общей научной платформы, которая позволила бы совместить разные представления о сущностных свойствах фонемы. Как отмечает А. А. Соколянский, «фонология для современных лингвистов уже не является той наукой-эталоном, какой она была относительно недавно не только для лингвистов, но и для представителей смежных гуманитарных наук» [11, с. 3]. Однако в последнее время отмечается возрождение интереса к фонологическим проблемам. Полагаю, что это объясняется неисчерпанностью потенциальных фонемных резервов, которые могут быть применены как для решения задач внутри данной научной дисциплины, так и за ее пределами. Какие же аспекты в фонологии в данное время привлекают внимание исследователей?

Прежде всего, это использование традиционных концепций при анализе нового фонетического материала языков, как правило, слабо изученных. Описываются как фонологические системы экзотических языков (например, [4]), так и различные варианты английского языка [10; 18]. Проблемная составляющая фонологического описания может игнорироваться, как в указанных выше примерах, либо актуализироваться. Так, Ю. В. Гаврилова посвятила свою диссертацию концепции Д. Р. Фёрса, близкого по своим взглядам к Трубецкому, при этом автор диссертации в качестве материала использовала просодику экзотических языков, с которыми не работали другие исследователи [1]. При описании известных языков фокус фонологических исследований смещается в область супрасегментных единиц [12; 16].

С другой стороны, наблюдается потребность в реставрации отдельных положений в области теоретической фонологии, прежде не вызывавшие дискуссий. Так, Л. Л. Касаткин публикует статью в таком авторитетном издании, как «Вопросы языкознания», в которой подвергает критике общепринятое представление о фонеме как односторонней единице. По мнению исследователя, фонема имеет не только означающее, представленное звуковой оболочкой, но и означаемое, под котором исследователь понимает набор дифференциальных признаков, содержащихся в ней [5]. Г. Мороз осуществляет попытку создания идеальной фонологической модели через введение правил и ограничений [6].

Некоторые лингвисты возвращаются к решению вопросов, поставленных в свое время другими исследователями, но полностью не исчерпавших возмож-

ностей дальнейшего изучения. Как известно, А. А. Потебня обратил внимание на появление гортанного приступа между предлогом и следующим за ним существительным, возникающим при полном стиле произношения: *к Ире, за окном*. Позднее за этим явлением был закреплен термин *диэрема*. Вопрос о статусе этого явления остается не до конца решенным. И. Г. Добродумов и Л. А. Щербакова рассмотрели диэрему в русском языке в аспекте диахронии как процесс оглушения звонких перед паузой, в данном случае выполняющей роль диэремы как предельной суперсегментной единицы [3].

Краткий обзор работ в области фонологии, появившихся в последнее десятилетие, показывает, что эта отрасль языкознания ни в коей мере не исчерпала себя, а разнообразие мнений, по-прежнему присутствующее в фонологии, свидетельствует о сложном устройстве самого объекта.

Литература

1. Гаврилова Ю. В. Лондонская лингвистическая школа и концепция Джона Руперта Фёрса: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.

2. Гак В. Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 13 – 61.

3. Добродомов И. Г., Щербакова Л. А. Два облика одного пограничного сигнала в русской фонологии // Фонетика сегодня: материалы докладов и сообщений VI Международной научной конференции 8 – 10 октября 2010 года. М., 2010. С. 44 – 48.

4. Ефимов А. Ю. Фонология языка каолан // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 70 – 78.

5. Касаткин Л. Л. О природе фонемы // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 92 – 102.

6. Кодзасов С. В., Кривнева О. В. Современная американская фонология. М.: Изд-во МГУ, 1981. 194 с.

7. Мороз Г. Фонологические теории правил и ограничений. 23.10.2014. Режим доступа:: https://www.-academia.edu8913040/Фонологические_теории_правил_и_ограничений (дата обращения: 27.02.2016).

8. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 326 – 361.

9. Реформатский А. А. Попытка синтеза концепции Ленинградской и Московской фонологических школ и фонологический плюрализм // Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 75 – 91.

10. Романова Е. Ю. Фонология австралийского варианта английского языка: национальная специфика или общеанглийские тенденции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 1(687). С. 222 – 232.

11. Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. 54 с.

12. Трофимова Е. Б., Кубарич А. М. Исследование уровня корреляции между китайским тоном и характером лексической эмотивности // Central Asian Journal of Basic and Applied Research. 2014. № 1. С. 51 – 62.

13. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / под ред. С. Д. Кацнельсона. Изд. 4-е. Сер. Лингвистическое наследие XX века. М.: URSS, 2012. 335 с.

14. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 126 с.

15. Шаумян С. К. Проблемы теоретической фонологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 195 с.

16. Янко Т. Е. К проблеме сопоставительного анализа просодии: одесский региональный вариант русского языка vs. русская разговорная норма // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14(21): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 650 – 666.

17. Goldsmith J., Laks B. Generative phonology: its origins, its principles, and its successors' // The Cambridge History of Linguistics, edited by Linda Waugh, John E. Joseph, and Monique Monville-Burston. The Cambridge History of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. Режим доступа: http://people.cs.uchicago.edu/~jagoldsm//Papers/GenerativePhonology.pdf. (дата обращения: 26.02.2016).

18. Boberg Ch. Reshaping the Vowel System: an Index of Phonetic Innovation in Canadian English // Penn Working Papers in Linguistics 17/2: Selected Papers from NWAV 39. 2011. P. 20 – 29. Режим доступа: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1190&context=pwpl. (дата обращения: 26.02.2016).

Информация об авторе:

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина, umt2005@rambler.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 16.06.2016 г.

REFLECTION OF LINGUISTIC PLURALISM IN PHONOLOGICAL CONCEPTS

Trofimova Elena B.[1,@]

[1] *Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University*
[@] *umt2005@rambler.ru*

Abstract: The paper consists of two parts. The first part presents the overview of scientific pluralism as a phenomenon that pertains any type of science, which has held a certain way of formation and development over the years. The «pros» and «cons» of pluralism are considered. «Pros» include the possibility of expanding the research area by introducing the new language material, and through the usage of non-traditional approaches to the research object; «cons» include the low level of reasoning observed in some cases when forming new concepts. Reductionism opposes pluralism. It appears with the absolutization of a single or authors' approaches to the research object. The second part covers the analysis of the following foreign and Russian phonological concepts: descriptive American phonology, two varieties of generative phonology –standard generative phonology and natural generative phonology, the phonological concept of Nikolai Trubetzkoy, Moscow and Leningrad phonological schools, the concept of «late» Ruben Avanesov, phonological concept of Sebastian Shaumyan. Theoretical contribution of each concept along with the possibility of its pragmatic applicability is estimated. Concepts are compared firstly, according to the reflection of sound acoustic-articulatory characteristics in the phoneme (phoneme-sound correlation principle); secondly, according to the phonemic structure in paradigmatics and syntagmatics. The absence of complete match of these parameters in concepts indicates the manifestation of pluralism in the area of phonological research.

Keywords: phoneme, phonological concepts, allophone, pluralism and pseudopluralism, reductionism, archiphoneme, distinctive opposition.

For citation: Trofimova E. B. Reflection of linguistic pluralism in phonological concepts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 186 – 194.

References

1. Gavrilova Iu. V. *Londonskaia lingvisticheskaia shkola i kontseptsiia Dzhona Ruperta Fersa. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [London linguistic school and the concept of John Rupert Firth. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 21.
2. Gak V. G. O pliuralizme v lingvisticheskikh teoriiakh [About pluralism in linguistic theories]. *Iazykovye preobrazovaniia* [Language conversion]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1998, 13 – 61.
3. Dobrodomov I. G., Shcherbakova L.A. Dva oblika odnogo pogranichnogo signala v russkoi fonologii [Two shape of the boundary of the signal in the Russian phonology]. *Fonetika segodnia: Materialy dokladov i soobshchenii VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8 – 10 oktiabria 2010 goda* [Phonetics today: Proc. VI Intern. Sc. Conf. October 8 – 10, 2010]. Moscow, 2010, 44 – 48
4. Efimov A. Iu. Fonologiia iazyka kaolan [Kaplan language phonology]. *Voprosy iazykoznaniia – Questions of linguistics,* no. 6 (2013): 70 – 78.
5. Kasatkin L. L. O prirode fonemy [On the nature of the phoneme]. *Voprosy iazykoznaniia – Questions of linguistics,* no. 2 (2009): 92 – 102
6. Kodzasov C. V., Krivneva O. V. *Sovremennaia amerikanskaia fonologiia* [Contemporary American phonology]. Moscow: Izd-vo MGU, 1981, 194.
7. Moroz G. *Fonologicheskie teorii pravil i ogranichenii* [Phonological theory, rules and restrictions]. 23.10.2014. Available at: https://www.academia.edu/8913040/ (accessed 27.02.2016).
8. Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1960, 326 – 361.
9. Reformatskii A. A. Popytka sinteza kontseptsii Leningradskoi i Moskovskoi fonologicheskikh shkol i fonologicheskii pliuralizm [An attempt of synthesis of the concept of Leningrad and Moscow schools of phonological and phonemic pluralism]. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* [From the history of Russian phonology]. Moscow, 1970, 75 – 91
10. Romanova E. Iu. Fonologiia avstraliiskogo varianta angliiskogo iazyka: natsional'naia spetsifika ili obshcheangliiskie tendentsii [Phonology Australian English: national identity or the general tendencies of English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Moscow State Linguistic University,* no. 1(687) (2014): 222 – 232.
11. Sokolianskii A. A. *Model' mnogourovnevoi fonologii russkogo iazyka.* Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Model multi-level phonology of Russian language. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 54.
12. Trofimova E.B., Kubarich A.M. Issledovanie urovnia korreliatsii mezhdu kitaiskim tonom i kharakterom leksicheskoi emotivnosti [Studies of correlation between Chinese lexical tone and emotive character]. *Central Asian Journal of Basic and Applied Research*, no. 1 (2014): 51 – 62.
13. TrubetzkoyN. S. *Osnovy fonologii. Ser. Lingvisticheskoe nasledie XX veka* [Fundamentals of phonology. Ser. Linguistic legacy of the twentieth century]. Ed. Katsnel'sona S. D. 4th ed. Moscow: URSS, 2012, 335.
14. Chomsky N. *Iazyk i myshlenie* [Language and Thought]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972, 126.
15. Shaumian S. K. *Problemy teoreticheskoi fonologii* [Problems of theoretical phonology]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962, 195.

16. Ianko T. E. K probleme sopostavitel'nogo analiza prosodii: odesskii regional'nyi variant russkogo iazyka vs. russkaia razgovornaia norma [On the problem of the comparative analysis of prosody: Odessa regional version vs. Russian language Russian spoken norm]. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. T. 1: Osnovnaia programma konferentsii* [Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 1: The main program of the conference]. Iss. 14(21) (2015): 650 – 666.

17. Goldsmith J., Laks B. Generative phonology: its origins, its principles, and its successors'. *The Cambridge History of Linguistics*, edited by Linda Waugh, John E. Joseph, and Monique Monville-Burston. The Cambridge History of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: http://people.cs.uchicago.edu/~jagoldsm-//Papers/GenerativePhonology.pdf (accessed 26.02.2016).

18. Boberg Ch. Reshaping the Vowel System: an Index of Phonetic Innovation in Canadian English. *Penn Working Papers in Linguistics 17/2: Selected Papers from NWAV 39*. 2011, 20 – 29. Available at: http://repository.upenn.-edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1190&context=pwpl (accessed 26.02.2016).

Received 20.02.2016, accepted 16.06.2016.